

А.И. Ильин,
А.И. Ткаченко,
К.Е. Битюгин

БЕЛГОРОДСКИЕ ВОЕВОДЫ

Конец XVI –
начало XVIII века

Управление культуры г. Белгорода
Централизованная библиотечная система г. Белгорода
Пушкинская библиотека-музей

Ильин А.И.
Ткаченко А.И.
Битюгин К.Е.

К 50-летию образования
Белгородской области

БЕЛГОРОДСКИЕ ВОЕВОДЫ

Конец XVI – начало XVIII века

Издательство "Отчий край"

Белгород
2004

ББК 63.3
И 46

Издатель
Косьминов Я.И.

Ильин А.И., Ткаченко А.И., Битюгин К.Е.
И 46 Белгородские воеводы. Конец XVI – начало XVII
века. — Белгород: «Отчий край», 2004. — 156 с.

ISBN 5-85153-062-6

В предлагаемой публикации приводятся сведения о воеводах Белгородских крепостей Русского государства со времени их основания до упразднения Белгородского разряда в 1711 году. Исходными материалами являются Разрядные книги Московского государства, архивные и опубликованные источники. Даются также сведения о некоторых военных деятелях XVII века, имевших непосредственное отношение к становлению и развитию обороны южных рубежей государства в этот период.

Издание рассчитано на учителей, студентов и учащихся, а также на всех интересующихся историей Белгорода и родного края.

Рецензенты:
кандидат исторических наук *А.И. Папков*,
А.Н. Крупенков.

ISBN 5-85153-062-6

ББК 63.3

© Ильин А.И., Ткаченко А.И., Битюгин К.Е., 2004.
© Издательство «Отчий край», 2004.

ВВЕДЕНИЕ

Возросший в последние годы интерес к отечественной истории вполне закономерен и вызван известными перекосами в исторической науке советского периода, когда все события прошлого рассматривались с позиций классовой борьбы, а наиболее интересные события в истории нашей страны происходили с 1917 года. Естественно, что царские воеводы XVII века в этой связи рассматривались в качестве наиболее ярких представителей эксплуататорской верхушки периода феодализма и не представляли большого интереса для читателя. Поэтому понятно внимание к трудам классиков русской истории: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, к многочисленным публикациям XIX столетия из архивов Московских приказов. Все чаще в современных популярных изданиях появляется рубрика «забытые имена» применительно к деятелям далекого, и не совсем далекого, прошлого нашей Родины. При этом выясняется, что «перекосы» в отечественной истории были не только в XX, но и в XVII, и в XIX веках, когда для возвеличивания отдельных личностей прибегали к тенденциозному, а нередко и превратному освещению деятельности их предшественников. Это в полной мере относится к «Смутному времени», «Смоленской войне», первой русско-турецкой войне, эпохе Руины, короткому, но яркому, царствованию молодого Федора Алексеевича и правлению царевны Софьи, когда трудно, но неуклонно шли прогрессивные изменения в Русском государстве, целиком отнесенные в последующем к царствованиям Петра I и Екатерины II. Поэтому сведения о событиях и людях XVII века чрезвычайно скудны в нашей исторической и справочной литературе, хотя архивные документы того времени еще ждут своего часа. Это в полной мере относится и к периоду возникновения на южных рубежах нашей страны городов-крепостей в конце XVI – начале XVII века, постепенному превращению их в сплошную цепь укреплений, надежно отгородивших к концу века города и села центральной России от агрессивных соседей. Одновре-

меншо со строительством крепостей шло формирование вооруженных сил, создание целой территории, населенной солдатами, катками, пикенерами, рейтарами и драгунами, которые без отрыва от крестьянского труда осваивали тяжелый ратный труд, находясь в постоянной готовности к отражению внезапного нападения жестокого и коварного врага.

В основу настоящей публикации положены записи Разрядного приказа — «военного министерства» молодого русского государства, действовавшего со времен Василия III и Ивана IV Васильевича Грозного. Работая с этими документами, А. Барсуков в качестве попутного материала издал в начале XX столетия «Списки городовых воевод и других лиц воеводского правления Московского государства XVII столетия». Однако список Барсукова далеко не полон и местами не точен, авторам пришлось дополнять его по «Разрядным книгам», разнообразному актовому материалу, родословным и другим источникам.

Не ограничиваясь рамками столетия, мы в настоящем труде взяли за начальный период время основания городов-крепостей, находящихся на территории современной Белгородской области, а завершаем его ликвидацией Белгородского разряда, когда уже состоялся переход городов и сел от постоянной боевой готовности к мирной жизни. Равным образом расширен и персональный состав лиц воеводского правления: за счет полковых воевод, воевод Белгородского разряда и их товарищей, имеющих непосредственное отношение к истории военного строительства и хозяйственного освоения нашего края. По мере возможности, мы приводим краткий послужной список тех деятелей прошлого, о которых мы смогли найти такие данные с указанием первоисточников, а также приводим другие сведения, их характеризующие.

Авторы выражают глубокую признательность директору Централизованной библиотечной системы г. Белгорода В.А. Абрамовой, заведующей Пушкинской библиотекой-музеем С.Б. Богомоловой и научному сотруднику Н.М. Гончаренко за помощь в сборе материалов и подготовке рукописи к изданию. Мы благодарим за помощь в поиске материалов коллективы областной универсальной научной библиотеки и государственного архива белгородской области, а также рецензентов Андрея Игоревича Папкова и Александра Николаевича Крупенкова за ценные замечания и дополнения.

ВОЕВОДЫ НА ПОЛЬСКОЙ УКРАИНЕ

Построенная в конце XVI века на полевой окраине (Польской Украине) Русского государства, Белгородская крепость в силу своего географического положения на двести лет стала военным, административным, а затем хозяйственным, духовным и культурным центром юга России. Она надежно контролировала с помощью выдвинутых «в поле» дозоров и сторож опасные передвижения агрессивных соседей: азовцев, крымцев, «белгородских» татар и литовцев, предупреждая Москву о возможных нападениях по Бакаеву шляху, Муравской и Изюмской дорогам. Эти же обстоятельства сделали Белгород центром громадного военно-административного округа — Белгородского разряда, повторившего себя в XVIII веке в Белгородской губернии.

Находясь на полпути от Москвы до Перекопа, оторванные от баз снабжения и основной линии обороны — Большой засечной черты — города-крепости Белгород, Валуйки и Оскол с самого начала были поставлены в сложнейшие условия существования, когда в условиях постоянной боевой готовности приходилось нести не только тяжелую ратную службу, но и заниматься хлебопашеством, рассчитывая только на свои силы. Маленькие, в несколько сотен человек, гарнизоны казаков и стрельцов с десятком пушек противостояли не только отдельным шайкам грабителей-степняков, но и многотысячным ордам крымцев, в составе которых все чаще появляются турецкие янычары из Азова и приднепровских крепостей с «огненным нарядом». И хотя кочевники избегали столкновений с войсками и, как правило, не нападали на города, они были не прочь внезапно напасть на деревни и села, возникшие вокруг вновь построенных крепостей. Гораздо большую опасность для украинских городов представляли «литовские люди и черкасы», которые потеряли Черниговские и Северские земли в начале XVI века и не оставляли попыток вернуть их до второй половины XVII столетия.

Естественно, что в этих условиях воеводам пограничных городов крепостей приходилось решать гораздо больший круг задач, чем руководителям центральных уездов государства. В отличие от последних, они обладали относительной независимостью от центральных правительственных учреждений, большими полномочиями и всей полнотой военной, судебной, административной и хозяйственной власти. Поэтому с самого начала в числе воевод мы видим опытных военачальников, представителей наиболее авторитетных и знатных фамилий, хотя нередко их назначение на опасную «украину» больше походило не на ответственное поручение, а на почетную ссылку.

Воеводы как предводители войска появились еще у древних славян и вплоть до XVI века возглавляли великокняжеские и царские войска и дружины. В конце правления Ивана IV Васильевича в связи с ликвидацией наместничества появляются воеводы в городах по существу с теми же управленческими функциями, вначале в пограничных городах и на территориях, присоединенных к России (Астрахань, Казань, Псков, Новгород), а в XVII веке и на остальной территории страны. С начала царствования Михаила Федоровича Романова наместники, как руководители городов и уездов, больше не встречаются и употребляются лишь в виде титулов при выполнении дипломатических поручений.

В общем случае в XVI–XVII веках различались полковые и городские воеводы. Первые командовали подвижными войсками, основная масса которых до 30-х годов XVII века была представлена дворянским поместным ополчением и «даточными людьми», собираемыми на время похода и после его завершения (обычно 2–3 месяца) распускавшиеся по домам. С созданием постоянного войска — стрельцов, а затем полков иноземного строя — полковые воеводы выполняют свои функции более длительное время. Для пограничных уездов с самого начала также разделение было условным, так как в подчинении главного воеводы находилась полковая, сторожевая (станичная) и городская (крепостная) служба. Поэтому назначалось несколько воевод или их функции передавались помощникам: осадной голова, стрелецкий и казачий голова. Какая-либо специализация воевод отсутствовала. Один и тот же чин назначался то полковым, то городским воеводой в зависимости от обстановки.

В функции городских воевод на границе входило руководство военным гарнизоном городов (его формирование, вооруже-

ние, обучение), осуществление всех управленческих действий в городе и уезде: сбор налогов и пошлин, строительство и ремонт оборонительных сооружений, содержание дорог и переправ, посольская, ямская, сторожевая служба, обеспечение порядка, борьба с разбойниками, содержание тюрем, питейных заведений, обеспечение обработки «государевой пашни», создание запасов на случай осады, выплата содержания церквям и монастырям («руги») и др. Для осуществления этих функций в помощь воеводе назначались головы (стрелецкие, казачьи, письменные), дьяки и подьячие, приказные и целовальники. Присутственным местом была съезжая или приказная изба. Воеводы представлялись Разрядным приказом, обсуждались на заседании Боярской думы и назначались царским указом, который сопровождался «наказом» — подробной инструкцией о задачах, которые предстояло решать воеводе. Как правило, служба в городе продолжалась 1–2 года, чтобы воевода не смог за это время «завороваться», на третий год он назначался лишь в порядке исключения при наличии письменной просьбы местных жителей.

Воевода за свою службу получал поместные (земельные) и денежные оклады, а по завершении пребывания и за особые заслуги — и жалование: дорогую одежду (шубы, кафтаны), золотые и серебряные кубки, чаши, цепи, деньги на приобретение вотчины. Вплоть до конца XVII века поместные оклады московским чинам за службу на границах выделялись в центральных уездах России, что в известной мере защищало местных жителей от произвола воевод, дьяков и подьячих, стрелецких и пушкарских голов, офицерского состава («начальных людей») полков нового строя (солдатских, драгунских, рейтарских и пикинерных). Размер поместного оклада воеводы в первой половине XVII века колебался от 500 до 1000 четвертей. Для сравнения укажем, что рядовые стрельцы получали по 8 четвертей, а оклады «начальных людей» колебались от 10 до 40 четвертей. Денежный оклад имел еще больший диапазон и колебался от 50 до 600 и более рублей в год. «Служилые люди» в то время получали от трех до десяти рублей. Следует иметь в виду, что существенной прибавкой к «зарплате» являлась военная добыча, включая пленных.

На должность воеводы могли претендовать «московские чины», прослужившие при дворе или в войсках с чином не ниже стольника, имевшие знатных родственников или влиятельных покрови-

телей. В порядке исключения для городков, мелких «крепостиц» и острожков, не имевших уездов, назначались городовые дворяне с указанием, откуда они («коширянин», «козлитин», «рязанец»), а также более низкие чины: «дети боярские», «стряпчие», однако, для «украинных городов» такие исключения не допускались. Но не только происхождение служило основанием для получения должности воеводы. До 1682 года существовала система назначений «из мест», которые занимали в прошлом предки претендента в правящей иерархии или при дворе, за царским столом, в торжественных процессиях, на приеме послов, в походах и посылках. Считалось недопустимым попасть в подчинение не только к потомку менее знатного рода, но и к младшему брату. Было бы неправильно сводить местничество лишь к удовлетворению самолюбия или боярской спеси: это было борьбой за привилегии своей фамилии, что приводило к закреплению вблизи трона ограниченного числа фамилий, куда невозможно было пробиться талантливым людям из дворянских низов. По сведениям С.М. Соловьева [49], при царе Алексее Михайловиче наибольшим влиянием в государстве пользовались боярские роды Черкасских, Воротынских, Морозовых, Шереметевых, Одоевских, Пронских, Шеиных, Салтыковых, Репниных, Прозоровских, Буйносовых, Хилковых и Урусовых, представители которых возводились в бояре сразу из стольников, минуя чин окольничего. Многих из них мы видим в числе белгородских воевод.

Если иметь в виду, что все «начальные люди» государевой службы в войсках, городах и при дворе, начиная со стряпчих, сотников, голов приказов, происходили из знатных семей, то назначение воеводы, во всяком случае до отмены местничества в 1682 году, представляло для Разрядного приказа и царя большую трудность, так как было сопряжено с возникновением местнических протестов со стороны подчиненных. Введение царями должностей безместных «товарищей» воевод, «быть без мест» на Украине или во время военных действий — помогало слабо, так как сопровождалось саботажем, отказами выполнять приказы и т.п. Не помогали также наказания: заключение на несколько дней в тюрьму, битье кнутом, денежные штрафы, выдача головой обиженному. Лыковы считали себя выше Романовых, Пушкины выше Пожарских, Голицыны выше Трубечких, Репнины выше Волконских и т.д. Речь шла по существу о служебной несовместимости, обусловленной родовыми противоречиями.

Наиболее содержательным источником, положенным в основу настоящей книги, является работа А. Барсукова «Списки городских воевод и других лиц воеводского правления Московского государства XVII столетия» [4]. Касаясь сведений о белгородских воеводах, составитель пишет: «В Белгороде, по исключительному положению этого города, особенно после 1653 года, полковые воеводы бывали вместе с тем городовыми и осадными воеводами, и наоборот; это весьма затрудняет составление списка собственно местных воевод. Задача в том, чтобы не запутать дела еще более. Единственное средство к сему, излагать, в таких случаях, список Белгородских воевод в форме хронологического перечня правительственных распоряжений о назначении в Белгород воевод вообще, безразлично, местных и полковых».

Полностью разделяя эту точку зрения, авторы настоящей работы сочли своим долгом привести сведения не только о городских и полковых воеводах, но также и о военных деятелях XVII века, служба которых сыграла большую роль в судьбе Белгородчины, становлении Белгородской черты, Белгородского разряда. Это, прежде всего, относится к И.Б. Черкасскому, Ф.И. Шереметеву, С.И. Заборовскому, В.В. Голищину, М.А. Черкасскому. Особое внимание уделяется также воеводам Большого полка, а затем Белгородского разряда, служебное положение которых выходило далеко за пределы Белгородской крепости, хотя до 1658 года, наряду с Белгородом, воевода Большого полка мог находиться в Яблонеце, Карпове, а в 1678–1680 годах — в Новом Осколе, Валуйках.

С 1671 года основным местопребыванием воевод Белгородского разряда становится Курск, поэтому в «Списке...» А. Барсукова [4] мы находим в числе курских воевод:

24. 179 (1671), мая 20 — 187 (1678), октября 19, боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский, с ним: в 183 (1675), мая 2 — стольник Семен Ерофеевич Алмазов; в 183 (1675), мая 9 — стольник Петр Тимофеевич Кондырев.
25. 187 (1679), мая 19 — июня 15, боярин Иван Богданович Мирославский.
26. 188 (1680), январь 26 — 190 (1682), апреля 19, боярин князь Петр Иванович Хованской.

27. 191 (1683), июня 23 — 193 (1684–1685), боярин Алексей Семенович Шеин.
28. 193 (1685), января 30 — 194 (1686), февраля 22, боярин князь Михайло Андреевич Голицын.

Однако с равным успехом их можно считать и белгородскими, так как Белгородский стол Разрядного приказа во время их пребывания в Курске оставался в Белгороде, здесь же находился и духовный центр Черноземья — Белгородская православная епархия.

К концу XVII века по мере продвижения границы на юг начинает падать военное значение Белгородской крепости. Если белгородские воеводы, исходя из интересов обороны южных рубежей страны, могли «верстать» в «дети боярские» приборных служилых людей, в том числе беглых крепостных крестьян, то в 1675 году эта привилегия была упразднена. В 1679 году однодворцы — основа военной силы границы, — до этого освобожденные от любых налогов, кроме воинской службы, стали «тяглыми», а в воеводском управлении было проведено сокращение штатов: были отменены градодельцы, сыщики, губные старосты, ямские приказчики, осадные, пушкарные, засечные и житенные головы и сборщики. Усиливается влияние центрального правительства и уменьшается монополия воеводского правления. С началом XVIII века в города-крепости назначаются коменданты, к которым переходят все военные функции. В 1711 году упраздняется Белгородский разряд, а воевода превращается, по существу, в градоначальника. Появляются и исчезают новые чины губернского и провинциального уровня: ландраты, комиссары, камериры и др. В 1719 году восстанавливается чин провинциальных воевод, подчинённых губернатору.

В 1730 году воевод стали назначать на два года. В 1760 году Сенат предписал сменять их через пять лет, но жителям предоставлено ходатайствовать о продолжении этого срока.

Учреждением о губерниях 1775 года звание воеводы было упразднено, а воеводские канцелярии были закрыты.